

Л А Р А .

(Изъ Лорда Бейрона.)

Отрывистая и неудовлетворительная развязка *Корсара* печальнѣе воображеніе; можно полагать, что *Лара*, Герой сей новой Поэмы — есть *Конрадъ*, возвратившійся въ отечество. Можно догадываться, что вѣрный пажъ есть переодѣтая *Гюльнара*, коей Корсаръ обману своиъ освобожденіемъ.

Пѣснь первая.

I.

Васаллы благоденствуютъ въ обширныхъ помѣстьяхъ *Лары*, и подвластные ему поселяне съ восторгомъ ожидаютъ отъ него защиты отъ притѣсненій. Сей владѣлецъ, послѣ долгаго, произвольнаго изгнанія, возвратился въ отчизну тогда, какъ его уже совсѣмъ не ожидали, однако не забыли. Въ его замкѣ радость ожила на всѣхъ лицахъ; по столамъ разставлены чаши; флаги развѣваются на башняхъ; гостепріимный пламень играетъ на раскрашенныхъ тысячу яркими цвѣтами стеклахъ; вокругъ очага полцаятся гостини и даютъ волю лишь шумному краснорѣчію.

II.

И шакъ, владѣлецъ *Лара* возвратился! За чѣмъ переплывалъ онъ моря? Умирающій отецъ его оставилъ его на произволъ судьбы въ шакихъ лѣсахъ, когда рѣдкіе чувствуютъ великость своей потери; гибельное наслѣдство, опасная воля, кошорую чело-вѣкъ весьма часто употребляетъ во зло и разрушаетъ спокойствіе сердца! Безъ руководителя,

имѣя мало друзей для указанія ему дороги и удержанія на скользкомъ склонѣ, ведущемъ къ пороку, въ пылкихъ лѣтахъ юношества, когда всего нужнѣе повиноваться, *Лара* повелѣвала другими.

III.

Еще въ молодости онъ оставилъ обитель своихъ предковъ, и со дня разлуки никто не вѣдалъ объ его мѣстопребываніи. „Отецъ умеръ, а сынъ въ отсутствіи:“ вошь все, что говорили, что знали о немъ Васаллы. *Лара* не являлся и не присылалъ о себѣ никакого извѣстія. Одни переспали о немъ думашь; другіе перялись въ разныхъ предположеніяхъ. Его имя умолкло въ его замкѣ; поршрешъ почернѣлъ въ закопѣлыхъ отъ дыма рамахъ; сосѣдъ его успокоилъ поску его невѣшны; молодые начали забывать его, а старыхъ не было уже на свѣшѣ. Живъ ли онъ? вскрикиваетъ неперпѣливый наслѣдникъ, гошовый надѣшь прауръ, который не суждено ему носить по немъ. Сто ржавыхъ щиповъ развѣшены по стѣнамъ его замка: не доспаетъ одного, коимъ охотно желали бы украсишь сей Гошическій профей.

IV.

Наконецъ, онъ возвратился совсѣмъ нечаянно; откуда? никому неизвѣстно; за чѣмъ? не нужно угадывать. Не возвращеніе, а долгое отсутствіе его удивительно. Всю прислугу его соспавлялъ одинъ молодой пажъ, по видимому иностранецъ.

Годы лепяшь для странника спелъ же быстро, какъ и для домосѣда. Но недоспашокъ извѣстнѣй

изъ далекихъ спранъ, опколъ прибыль *Лара*, кажешся, замедилъ полешъ времени; его видяшъ, узнаюшъ; однако жъ настоящее кажешся сомнишельнымъ, а минувшее сномъ. Онъ живъ, онъ еще въ возрастъ мужесшва, хошя лъща и шруды измънили чершы лица его.

Какъ бы ни были велики просшупки бурной его молодосши, но различныя приключенія жизни его могли изгладить ихъ изъ памяти. Давно не слышали о немъ ничего ни худаго, ни добраго; онъ могъ поддержашъ славу своего рода.

Нъкогда его душа напыщена была гордынею; но просшупки его — просшупки молодаго человека, алчущаго наслажденій, и если онъ здъсь ошановился, надобно просшить ихъ, не муча его укорижами.

V.

Какъ перемънился *Лара*! Съ перваго взгляда видно, что онъ не то, чъмъ былъ прежде. Сшрасши избраздили морщинами бровистое чело его. Въ немъ замъшна гордосшь, а не пылкосшь молодосши, холодносшь и равнодушiе къ похвалямъ, гордая походка и бышрый глазъ, кошорый однимъ взглядомъ ошгадываетъ мысль другаго. Языкъ его былъ лежокъ и насмъшливъ, острое оружіе людей, расшерзанныхъ свъшомъ, оружіе, удары коего, будучи наносимы съ видомъ пришворной веселосши, не дозволяюшъ даже раненымъ и жаловашся. Все это нашли въ *Ларь* его знакомые, и еверхъ шого замъ-

нили что-то такое, чего ни взоръ, ни голосъ его
открышь не хошѣли.

Казалось, что для честолюбія, славы, любви,
для цѣли, къ которой все спремается и рѣдкіе
достигають, входъ былъ запертъ въ его сердце;
но это съ недавняго времени, ибо глубокое, по-
шаченное чувство, которое вообще хошѣли бы вы
проникнуть, иногда на мигъ являясь на блѣдномъ
челѣ его, измѣняло ему.

VI.

Онъ не любилъ, чтобы его спрашивали о про-
шедшемъ; не рассказывалъ о чудесахъ дикихъ пу-
стынь, видѣнныхъ въ его странствованіяхъ по от-
даленнымъ странамъ свѣта; напрошивъ любилъ
закрывать все какою-то завѣсою неизвѣстности;
щещно любопытные вопрошали взоры его, щещно
старались вывѣдать что-нибудь отъ его спутника.
Лара хитро избѣгала разговоровъ о видѣнныхъ имъ
предметахъ, подъ предлогомъ того, что они не
любопытны для чужеземнаго посѣщителя. Если же
кто насмѣялось его объ этомъ спрашивалъ: то
чело его помрачалось и языкъ дѣлался молчаливѣе.

VII.

Его домашніе были искренне обрадованы его воз-
вращеніемъ; попомокъ старинной фамилии, обладавшей
многочисленныхъ Васалловъ, онъ посѣщалъ окру-
жныхъ помѣщиковъ, присушествовалъ на каруселяхъ,
играхъ и праздникахъ, но только проснымъ зрители-
лемъ ихъ скуки и веселости и не раздѣляя съ ними

ни шой, ни другой. Онъ не гонялся, подобно своимъ сосѣдямъ, ослѣпленнымъ всегда обманчивою, однако же всегда обольщающею ихъ надеждою, ни за дымомъ почестей, ни за золошомъ, менѣ мечтательнымъ, ни за ласками красавицъ, ни за гнѣвомъ соперника.

Онъ очершилъ вокругъ себя шайншвенный кругъ, копорый ошдѣлялъ его ошъ людей и препяшествовалъ имъ подходить къ нему. Суровый взглядъ его держалъ легкомысленныхъ въ почшипельномъ разстояніи. Робкіе, близко его выдавшіе, наблюдали его безмолвно, или сообщали другъ другу свои опасенія шепотомъ; маленькое число шѣхъ, копорые были умнѣ другихъ и показывали ему пріязнь, сознавались, что нашли его гораздо лучшимъ, нежели какъ видъ его показывалъ.

VIII.

Какая чудная переменна! въ молодости своей эпошъ человекъ былъ весь движеніе, весь жизнь! спрасшннй къ удовольствіямъ, влюбленный въ бишвы, попеременно шоржешшвовавшій на полѣ чешпи, на Океанѣ, вездѣ, гдѣ могъ встрѣишьясь съ опасностью или наслажденіемъ; онъ все вкусилъ, исчерпалъ всѣ источники счастья и бѣдшвій; былъ врагъ жеманной умѣренности, и жаромъ своихъ чувешшвованій хошѣлъ ускользнуть ошъ собственныхъ размышлений! Бури его сердца дерзко вызывали на бой бури стихій. . . . рабъ всѣхъ необузданныхъ спрасшей, какъ пробудится онъ ошъ своихъ чудныхъ снови-

дѣній? Увы! онъ эшимъ не хвалился; но, безъ сомнѣнія, проклинаешь свое увядшее сердце, кошорое ошреклось спознавашься съ сладкими муками!

IX.

Казалось, что книги возбуждали больше его вниманіе; до шѣхъ поръ, онъ чишалъ одну книгу — и эша книга называлась — *геловлькъ*. Часшо, въ припадкѣ своенравія, онъ запирался опъ людей: и шогда, жишелямъ замка, рѣдко имѣвшимъ съ нимъ сношенія, казалось, будшо онъ скорыми шагами расхаживаетъ по галлерей, въ кошорой смѣны увѣшаны были старинными поршрешами его предковъ; имъ слышался (объ эшомъ говорили за шайну) звукъ голоса, кошорый не былъ ни его, ни другаго какого земнаго жишеля. „Да, смѣйшесь, гѣворили его домашніе; мы не можемъ дашъ вамъ ошчеша въ шомъ, что мы видѣли; но можемъ увѣришь, что видѣли нѣчто сверхъестественное. За чѣмъ ушремляешь онъ неподвижные взоры на черепъ, свяшопашскими руками вырышый изъ могилы и спояцій подлѣ его книги, какъ будшо бы для шого, чтошбъ ушрашашъ и ошгоняшъ опъ нее каждаго пошоронняго чело-вѣка? За чѣмъ бодрешвуешь онъ шогда, когда всѣ спяшъ? За чѣмъ не слушаешь музыки и не принимаешь гощей? Все эшо не похвално; однако же, само по себѣ и не предосудишельно. Нѣкошорые конечно знали его шайну; но его повѣсть объ его приключеніяхъ должна бышь очень длинна; и они по благо-разумію и скромности выдавали свое удощовѣреніе

за темныя догадки. Впрочемъ, если бы они рѣшились говорить, то конечно могли бы открыть истину.“ Такъ разговаривали между собою Васалли въ замкѣ *Лары*.

X.

Ночь: рѣка не колыхнешь, однако же вода ея мало по малу ушекаетъ, какъ счастье; чистое стекло водъ ея, какъ въ волшебной каршинѣ, изображаетъ вѣчныя звѣзды небснаго свода; берега ея украшены зелеными деревьями и прелеснѣйшими цвѣтами, на коихъ когда-либо пчела отдыхала; они не уступили бы въ красотѣ цвѣтамъ, изъ копорыхъ младенецъ-Діана плела гирлянды, и Невинность съ восшоргомъ поднесла бы ихъ въ подарокъ Любви. Вода шеряется въ каналахъ, извивающихся, чешулящихся, какъ змѣя; на землѣ и въ воздухѣ все было споль ясно и тихо, что призракъ не испугалъ бы гуляющихъ: казалось, невозможно, нечисмому духу поселиться въ эшомъ живописномъ мѣстѣ. Въ сію прекрасную ночь одни добрые могли искашь здѣсь наслажденій; шакъ мыслилъ *Лара*, поспѣшая ошь сихъ очаровашельныхъ береговъ къ своему замку. Его душа не расположена была любовашься видами, кои напоминали ему о другихъ временахъ, о небѣ яснѣйшемъ, о звѣздахъ лучезарнѣйшихъ, о нощахъ сладчайшихъ и не споль рѣдкихъ, и о сердцахъ, копорыя нынѣ. . . . Нынь, нынь! завываніе бури не приведетъ его въ смяшеніе; но шакая роскошная

ночь есть оскорбительная насмѣшка надъ его спра-
ждающимъ сердцемъ.

XI.

Большими шагами расхаживаетъ онъ по уединен-
нымъ комнашамъ; его великанская тѣнь ходишь съ
нимъ рядомъ вдоль по стѣнамъ, увѣшаннымъ спа-
ринными поршрешами. Сии поршрешы, шемное пре-
даніе, гробовые склены, гдѣ покояшся ихъ тѣла,
слабости и пороки, родословное дерево съ пышнымъ
начершаніемъ ихъ лѣшь, въ кошоромъ исторія рас-
почаетъ хвалы и порицанія, и нерѣдко ложъ вы-
даешъ за истину: вопшь все, что уцѣлело опъ ихъ
пороковъ и добродѣтелей.

Луна, проникая сквозь шускляя спекла, лучами
своими освѣщаетъ каменный помосшь, высокіе своды
и грубыя изваянія свяшыхъ Угодниковъ, посшавлен-
ныхъ на Гопическихъ окнахъ. *Лара* прогуливется
въ задумчивости; его гуспыя локоны, черныя брови,
движеніе развѣвающихся на головѣ перьевъ: все
даешъ ему видъ пришельца изъ могилы, или при-
виднія.

XII.

Полночь: все спишь; сомнишельный свѣшь лампы,
кажешся, не хошя брежжишь въ глубокомъ мракѣ.
Глухій шумъ слышался въ замкѣ; эшо крикъ, мо-
лящій о помощи, прощяжный крикъ — и все опяшь
замокло; слуги *Лары* пробудились, встревожились,
бѣгутъ въ шо мѣсто, куда зовешъ ихъ голосъ; въ
рукахъ у каждаго полугорящій свѣшпильникъ и обна-

женный мечъ: въ смяненіи, опрометчивости, они забыли опоясать ножны.

XIII.

Они нашли *Лару*, распросершаго на мраморномъ полу и блѣднаго, какъ лучъ мѣсяца, падающій на лице его; его до полноженъ вынужая сабля свидѣтельствуетъ о какой-то сверхъестественной опасности. Онъ не шереяетъ швердоспи, или не шеряль ее до сей минуты; нахмуренныя брови показываютъ бѣшенство; нечувствительный, незнающій испуга, приведшаго уста его въ судорожное движеніе, онъ алчешъ крови; невнятные угрозы и проклятія гордаго опчаянія, казалось, замерли на устахъ его; глаза его полузакрышы; но изъ подъ гусныхъ вѣждѣй его сверкаешъ еще свирѣпый взглядъ воина, какъ бы неподвижный въ ужасномъ спокойствіи.

Его подняли, перенесли: молчаніе! „Онъ дышешъ, онъ промолвилъ: краска выступила на смуглыя щеки его; на устахъ показался румянецъ; глазъ его, еще опуманенный, кругомъ перекашывается, и члены, мало по малу освобождающся опъ оцѣпененія, онъ произноситъ какіе-то несвязные звуки; однако, эшо не языкъ его опечества; легко распознашъ, что эшо звуки другаго климаша, какъ будшо бы онъ обращается къ таковой особѣ, до слуха кошпорой, увы! не досягаешъ голосъ смершнаго.

XIV.

Прибѣжалъ его Пажъ; онъ одинъ понимаетъ слова его. Онъ перемѣнился въ лицѣ; эшо доказываетъ,

что *Лара* не желаетъ, чѣобы слова его понималъ кто-нибудь, а Пажъ ни за что въ свѣстѣ не согласится располковать ихъ. Положеніе господина его беспокоитъ его меньше, нежели другихъ домашнихъ; онъ склоняется на шѣло *Лары* и говоритъ ему на языкъ, кошорый можно почестъ его природнымъ; *Лара* внемлетъ — и слова Пажа успокоивають его чувства, спрашно въспревоженные сновидѣніемъ. Но сонная ли мечша споль шяжко удручаетъ его сердце? Увы! для него довольно бѣдствій существенныхъ!

XV.

Во снѣ ли, или на-яву, видѣлъ онъ предметъ, споль сильно потрясшій душу *Лары*: это тайна, глубоко погребенная въ его сердцѣ. Онъ помнитъ о немъ; но никогда никому не ошкроешъ.

Занялась заря — и возвратила бодрость изнуренному его шѣлу. Онъ не призываетъ врача, и скоро, всегда посшоянный въ словахъ и дѣйствіяхъ, возвращается къ сврему обыкновенному времяпровожденію. Улыбка споль же рѣдко посѣщаетъ усна его; чело не сдѣлалось угрюмѣ; приближеніе ночи нѣсколько беспокоитъ *Лару*, но онъ щцательнo скрываетъ сіе ошъ своихъ изумленныхъ Васалловъ, коихъ испугъ не шакъ скоро разсѣлся.

Его боязливые служители ходящъ всегда по-двое (не доспаетъ духа пройши одному); не смѣють приближаться къ бѣдственной галлерей. Флагъ, развѣвающійся въ воздухъ, спукъ двери, шумъ обоель, эхо шаговъ, длинныя шѣни окружныхъ деревьевъ,

пролётъ лешчей мыши, свистъ въпра: все, что они видяшь, все, что слышашь, пугаетъ ихъ, и шѣмъ больше, чѣмъ черяе завѣса, которую почъ развѣшиваетъ на сѣрыхъ стѣнахъ зѣмка.

XVI.

Тщешныя опасенія! . . . сей часъ ужаса, котораго причина недовѣдома, не возвращался, или *Лара* припворился, будто бы позабылъ о немъ: это, не уменьша ихъ сѣраха, усугубило удивленіе Васаловъ. И такъ, видно, что приходя въ чувства, онъ пошерялъ память о случившемся: ибо ни одно слово, ни одинъ взоръ, ни одно движеніе ихъ повелѣшеля не измѣнило передъ ними чувствованія, которое бы напомнило шоску и бредъ души его. Но сонъ ли это? Его ли усна произносили слова на языкъ чуждомъ? Его ли вопли разбудили ихъ и вспревожили? Его ли сѣсенное сердце пересшало бишься и блуждающія очи ихъ испугали? Могъ ли онъ забыть муки, ошъ коихъ посторонніе свидѣшели еще шрепешали? Не доказываетъ ли его молчаніе шого, что въ памяти *Лары* (если нужно объяснишь сей случай словами) было глубоко врѣзано одно изъ шанишвъ, копорыя раздирають сердце, но не могутъ облегчить его? *Лара* сокрылъ въ своемъ и дѣишвїа и причины. Просшые наблюдатели не въ силахъ были слѣдовать за ходомъ его мыслей, коимъ языкъ смершнаго изрѣдка и до половины измѣня, въ шопъ же мнгъ останавливается.

Лара соединяла въ себѣ неизъяснимую смѣсь все, что возбуждаетъ любовь, ненависть, привязанность, или опчужденіе.

Неясное мнѣніе объ его таинственной жизни привывало къ его имени хвалу, или презрѣніе; его молчаніе служило пищею для разговоровъ цѣлаго округа; дѣлали предположенія, изъяснялись о немъ, какъ о чудѣ; старали любопытствомъ проникнуть въ его сокровенный жребій. Чѣмъ былъ онъ? Что такое сей неизвѣстный человѣкъ, о кошоромъ, кромѣ того, что онъ знашнаго рода, никшо ничего не вѣдаетъ, хотя и окруженъ онъ Васаллами? не ненавистникъ ли онъ рода человѣческаго? Однако же нѣкоторыя увѣряли, что видали чело его прояснившимся; но вѣстѣ съ тѣмъ признавались, что улыбка его, если посмотришь на нее ближе и приспальнѣе, не показывала опкровенности и походила на насмѣшку; или, если улыбка блиспала на устахъ, то единственно на устахъ его — и напрасно спали бы мы искашь въ глазахъ его веселости, кошорую хошѣлъ онъ прищворно выказашъ. Улыбка никогда, вполне не озаряла мрачнаго лица его. Иногда, хоша весьма рѣдко, взоръ *Лары* становился нѣжнѣе, какъ будто бы природа не создала его съ черспвымъ сердцемъ; но скоро душа его опряхала слабость, недостойную ни ея самой, ни его гордыни, и облекалась въ прежнюю суровость, какъ будто бы сшыдаясь мягкосердечіемъ выкунишь сомнѣніе на счетъ

поколебаннаго уваженія къ нему людей. Не уже ли это было нѣкошораго рода наказаніе для его сердца за чувствившельность, разрушившую покой его? Или, не хотѣлъ ли онъ печальное, превожное сердце засшавиць ненавидѣть за то, что оно нѣкогда сшрасшно любило?

XVIII.

Какъ будшо бы испышавъ уже всѣ могущія быть худыя послѣдствія, *Лара* обнаруживалъ ко всему поешоянное презрѣніе. Онъ былъ пришлецомъ на земль, какъ нѣкій сшрансшвующій духъ, изгнанный изъ другаго міра. Одаренный мрачнымъ воображеніемъ, онъ добровольно создалъ для себя опасности, ошъ коихъ избѣжалъ случайно: воспоминаніе о нихъ было для его души источникомъ шоржества и печали.

Ощущая въ себѣ шакую силу любвиць, какая не дается обыкновеннымъ людямъ, онъ рано создалъ себѣ мечшательную добродѣшель, кошорой осуществишь нѣшъ возможности; за обольщеннымъ юношешвомъ его насшупило бурное молодечество. Ошъ годовъ, кошорые издержалъ онъ гоняясь за призракомъ, и ошъ упошребленія во зло душевныхъ способностей, данныхъ ему для лучшей цѣли, осталось ему одно позднее сожалѣніе. Пылкія сшрасши, имъ овладѣвшія, посѣяли гибель по слѣдамъ его и оставили добрымъ его чувсшвованіямъ одну внушреннюю шревогу и мучительныя размышленія — слѣдствіе бурной жизни. Но упрямо гордый и медленный къ осужденію самого себя, онъ половину худаго опно-

силъ къ Природѣ и во всѣхъ своихъ поступкахъ обвинялъ немощную плоть свою, шемницу души во время жизни и пищу червей послѣ смерти; наконецъ, въ безумныхъ своихъ умствованияхъ, смѣшалъ и добро и зло — и произвольныя свои дѣянія приписалъ неизбѣжному року.

Изъ гордосши не хотѣлъ онъ быть себялюбцемъ, какъ простые смершныя, и въ случаѣ надобности жершвовалъ собою благу другихъ. Жалось ли это была, или должность? Нѣтъ, это происходило отъ превращаго и смѣшаннаго о вещахъ понятія: гордосшь бросала его въ опасносши, на которыя весьма рѣдкіе люди держаютъ. Въ другую пору поже самое побужденіе заставляло его совершать злодѣйствя: не разбирая ни добра, ни зла, онъ жадно ловилъ случай опличиться отъ подобныхъ себѣ. Слѣдуя внушеніямъ ненависти къ людямъ, злой умъ его создалъ ему шронъ внѣ сего міра и въ странахъ, имъ самимъ избранныхъ. Тамъ, въ холодныхъ размышленіяхъ, кровь его, казалось, шше обращалась въ его жилахъ. Счастливъ, если бы злодѣйство никогда не воспаляло оной! счастливъ, если бы цѣлую жизнь оледѣлая душа его сохранила свою холодность!

Впрочемъ, онъ шель одною дорогою со всеми другими людьми; по наружности говорилъ и дѣйствовалъ, какъ они, и не ошеступалъ ни на шагъ отъ здраваго разсудка. Его заблужденія были заблужденія сердца, а не ума; рѣдко сбивался онъ въ разгово-

рахъ, и никогда не открывалъ глубину души своей, боясь возбудить противъ себя негодованіе.

XIX.

Не смотря на холодное и скрышное обращеніе, не смотря на то, что онъ находилъ удовольствіе быть загадкою — онъ зналъ искусство заставить привязать къ себѣ.

Это искусство не было ни любовь, ни ненависть; можешь быть даже, что для него нѣтъ слова; но для тѣхъ, которые разъ его видѣли, онъ оставался незабвеннымъ. Какъ бы ни были поверхностны и легки слова его; но слышавшіе ихъ долго о нихъ размышляли. Онъ вкрадывался въ душу и оставлялъ въ ней или пріязнь, или ненависть: но никто не могъ объяснить, какъ это сдѣлалось. И привязанность, и отвращеніе отъ него были всегда продолжительны: для васъ заперта осталась душа его, а онъ скрытыми пушями проникнулъ уже въ вашу. Онъ безпрестанно мечтался тѣмъ, кто зналъ его; невольно дѣлался занимательнымъ; напрасно хотѣли бы вы изгнать изъ души своей его образъ; хищный умъ его глубоко врѣзалъ его.

XX.

Отонъ въ замкѣ своемъ давалъ пиръ, на который были приглашены дамы, рыцари и всѣ богатые и знатные окружные владѣльцы.

И *Лара* прибыла вмѣстѣ съ другими.

Собраніе было многочисленно, комнаты ярко освѣщены, — и гости расхаживали туда и сюда, ожидая открытія бала и великолѣпнаго ужина.

Танцюючія красавицы привлекали къ себѣ сладкими чарами красоты и гармоніи: счастливы неопытныя сердца, которыя въ пляскѣ бьются близко къ сердцу, и спрасныя руки, переплешенныя съ руками, по ихъ собственному выбору! Такое зрѣлище проясняешь угрюмое чело, развеселяешь спарика, и заславляешь мечшашь молодость, которая въ упоеніи шумной радости гошова забышь, что она на землѣ.

XXI.

Лара весело и спокойно смотрѣлъ на веселящихся: лице его скрывало печаль души. Онъ слѣдовалъ глазами за шанцовщицами, любовался ихъ прелестными шѣлдвиженіями и воздушною легкостью ногъ, которыя едва касались до полу; прислонясь къ колоннѣ, сложа на-крестъ руки, засмошрѣвшись на шанцы, онъ не замѣчалъ, что спрогій взоръ внимашельно озиралъ его. Онъ не шерпѣлъ шакихъ испышаній, и скоро увидѣлъ, что незнакомое ему лице ищещъ прочешъ на лицѣ его. Сей любопытный — незнакомый ему чужешпанецъ, не будучи замѣченъ, во весь вечеръ не спускалъ очей съ *Лары*. Вдругъ взоры ихъ всшрѣчашся и въ безмолвномъ удивленіи вопрошашъ одинъ другой. На чель *Лары* обнаружилось легкое замѣшашельство, слѣдствіе недовѣрчивости къ чужеземцу, который грознымъ видомъ, кажешся, хочешъ сказашь, что онъ знаетъ больше, нежели присушествоючіе думашъ.

XXII.

„Это онъ!“ воскликнулъ чудный незнакомецъ. Сіе восклицаніе, пихо повторяясь, переходило изъ усть въ уста. „Это онъ? кто же?“ спрашивали гости другъ друга, пока сей вопросъ дошелъ до ушей *Лары*. Сіи странныя слова и фізіогномія неизвѣстнаго ничего не объясняютъ и возбуждаютъ всеобщее любопытство.

XXIII.

Это было уже слишкомъ; *Лара* не могъ оставить безъ отвѣта вопросъ, повторенный съ гордою самоувѣренностію. Нахмуря брови, но голосомъ болѣе швердымъ, нежели надменнымъ, и холодно, сказала онъ дерзкому вопросителю: „я называюсь *Лара*, будь спокоенъ! Когда я узнаю швое имя, то буду отвѣчать на странное швое привѣщствіе. Я называюсь *Лара*! хочешь ли знать болѣе? спрашивай: отвѣшы у меня гоповы; я не ношу личины.“ — У тебя отвѣшы гоповы? подумай хорошенько; есть одинъ, на кошорый сердце швое не осмѣлишься отвѣчать, хотя бы ухо швое его слышало. Всмотрись въ меня пристально. Если ты не напрасно одаренъ памяшью, то ты помнишь о долгѣ, кошорый напрасно уплатишь желаетъ: вѣчность запрещаетъ тебѣ забыть о немъ!“ *Лара* спокойно разсмотрѣлъ чужеземца, и не нашелъ, или не хошѣлъ найши ни одной черпы знакомой: не желая показашъ видъ сомнѣнія, онъ прѣзрительно покачалъ головою и хошѣлъ удалиться; но свирѣпый пришлецъ властни-

тельно остановилъ его: „одно слово, прибавилъ онъ, ошвѣчай Рыцарю, кошорый, если ты испинно благородный человекъ, равенъ съ шобою; нѣшь нужды, чѣмъ ты былъ прежде, чѣмъ ты нынѣ сдѣлался; ошвѣчай и не хмурь бровей! — если я буду говоришь ложь: тебѣ легко оправдашься. Тотъ, кто стоишь передъ шобою — не вѣришь коварной швоей улыбка; онъ не затрепещеть, смотря на грозное чело швое. Не ты ли, коего дѣянїя ?“ Кто бы ты ни былъ, швои сбивчивыя выраженїя и такой обвинишель, какъ ты, прервалъ *Лара*, не спояшь шого, чтобы я долѣ ихъ слушалъ. Пусть легковѣрные слѣпо внимають сказкѣ, безъ сомнѣнїя чудесной, кошорую ты выдумалъ; пусть *Отокъ* даешь пиры такимъ вѣжливымъ гостямъ, какъ ты: я изьявлю ему объ эшомъ свои мысли и признательность.“

Услышавъ сіи послѣднїя слова удивленный хозяинъ дома, подошелъ къ нимъ и съ убѣдительнымъ видомъ сказалъ: „какой бы важности ни была ваша тайна; не прилично нарушать веселое пиршество ссорой. Если Господинъ *Эцелинъ* имѣешь ошкрышь что-нибудь касательно Графа *Лары*: шо прошу его подождать: завтра могутъ они объяснишься здѣсь, или гдѣ имъ заблагоразсудишься. *Эцелинъ!* я за тебя порукою; ты мнѣ хорошо извѣстенъ; хотя также, какъ Графъ *Лара*, послѣ весьма долгаго ошсуществованїя, возвращаясь изъ другаго міра, ты почти не имѣешь здѣсь знакомыхъ. Судя по знаменитой

крови, пекущей въ жилахъ Графа *Лари*, онъ наследовалъ и добродѣтели, и мужество своихъ предковъ, и вѣрно поддержишь ихъ славное имя, принявъ вызовъ, основанный на законахъ рыцарства.“

— „И такъ до завтра!“ — вскричалъ *Эцеллинь*; завтра оба предстанемъ на судище: клянусь жизнью и мечемъ своимъ, что буду говоришь одну правду. О, еслибъ я могъ бышь столько же увѣренъ въ шомъ, что сподоблюсь увидѣшь царствіе небесное, сколько въ истинѣ словъ моихъ!“

Что отвѣчала *Лара*?... Глубокія думы поглошили, какъ бездна, всю его душу. Всѣ слова, всѣ взоры, кажешя, обращены на одного его. Онъ безмолвно и тихо озираешъ присутствующихъ; во взорахъ его видно совершенное забытіе. Увы! такое равнодушіе ясно показываешъ, что онъ швердо памятуешъ минувшія событія.

XXIV.

„Завтра! очень хорошо: завтра!“ *Лара* два раза повшорилъ сіи слова — и умолкъ. Ни чело, ни сверканіе глазъ не обнаружили его гнѣва; только въ швердосши голоса, коимъ произнесъ онъ *завтра*, замѣтна была какая-то рѣшимость, непонятная для слушателей. Онъ набросилъ на себя плащъ, легкимъ наклоненіемъ головы проснилъ съ собраніемъ, и, проходя мимо *Эцеллина*, отвѣчала улыбкою на угрожающій взоръ сего рыцаря. Въ этой улыбкѣ не было замѣтно ни радости, ни спеси, кошорая за недоспашкомъ другихъ средствъ опмщаешъ

презрѣніемъ, но рѣшимость души, увѣренной въ самой себѣ.

Что же изъясляла сія улыбка: спокойствіе ли и непоколебимость добродѣтели, или злодѣйство, закоренѣлое ошъ долговременной безнадежности? Увы! та и другое обнаруживаются весьма сходными знаками, которые шрудно различить въ лицѣ, или въ словахъ челоуѣка! Одни дѣла наши совершенно разоблачаютъ то, что наша неопытность съ шрудомъ ошгадывается.

XXV.

Лара кличетъ своего Пажа и удаляется. Красавецъ-юноша, вывезенный имъ изъ дальнихъ спранъ, гдѣ звѣзды ярче блещуть, повиновался не только словамъ, но и мановенію своего Господина. Для *Лары* ошавилъ онъ землю родимую; не смотря на свою молодость, онъ былъ покоренъ безъ нешерпѣнія, и молчаливъ, какъ господинъ его; преданность его къ *Ларѣ* была выше рабскаго сосшоянія и возраста. Хошя онъ выучился языку новаго своего ошечества, однако *Лара* весьма рѣдко на немъ ошьяснялся; по онъ бросался и съ величайшею расшоронностію исполнялъ его приказы, какъ скоро слышалъ сладкіе звуки родины, напоминавшіе ему его горы, ихъ эхо, друзей и родныхъ, коихъ ему не суждено уже болѣе видѣшь, и онъ коихъ онъ ошрекся, рѣшась слѣдовать за своимъ господиномъ. *Лара* былъ для него все на землѣ — и надежда,

и покровишель. И шакъ, не удивишельно, что онъ съ нимъ не разставался.

XXVI.

Молодой невольникъ былъ спроенъ; нѣжныя чер-
ты его не зачерсвѣли отъ солнца, не загорѣли
отъ пылающимъ лучей, и на щекахъ его нѣрѣдко
прошивъ воли выступалъ румянецъ. Сія прелест-
ная краска не здоровье и не счастье, но какое-
то внутреннее беспокойство обнаруживала. Какъ
яркія звѣзды горѣли глаза его; какъ электрической
огонь сверкали въ нихъ его мысли; длинныя рѣсни-
цы одѣвали черныя зрачки его какою-то сладкою
задумчивостью; однако же, въ нихъ больше видна
была спесь, нежели горесъ, или, по крайней мѣрѣ,
шакого рода горесъ, кошорою не хощѣлъ онъ ни
съ кѣмъ дѣлиться. Игры, коихъ жадно искали мо-
лодцы, его сверспники, забавы, коими занимались
веселые пажи, не имѣли для него ничего привле-
кательнаго. Онъ по цѣлымъ часамъ приспально гля-
дѣлъ на *Лару*, и не слыхалъ ни одного звука, не
видалъ ни одного предмета: вся душа его занята
была симъ созерцаніемъ. Когда господинъ покидалъ
его, то онъ бродилъ одинъ по окрестностямъ.
Ошвѣшы его были корошки; вопросовъ самъ никому
не дѣлалъ. Дремучіе лѣса были его любимую про-
гулкою; его забавы — чшеніе какой-то чужеспранной
книги; постелею — берега ясныхъ ручьевъ; онъ, каза-
лось, подобно своему власпшешю, былъ чуждъ всего,
что прельщаетъ взоръ и очаровываетъ сердце; не

бращался съ человѣками, и однимъ печальнымъ бы-
тіемъ былъ привязанъ къ землѣ.

XXVII.

Онъ любилъ одного *Лару*; но однимъ безпредѣль-
нымъ уваженіемъ и покорностью изъяслялъ свою при-
вязанность; внимательный и безмолвный, его усердіе
осгадывало всѣ желанія его господина, и когда сей
не произнесъ еще ни одного слова, они уже были
исполнены. Гордость видна была во всѣхъ его по-
ступкахъ, гордость, кошорая спавила себя выше
взысканій. Унижаясь иногда до рабскихъ должностей,
онъ шолько руками исполнялъ ихъ, но взоръ его еще
былъ повелишенъ: однимъ словомъ, онъ всячески
спарался выказашъ, что служишь не изъ денегъ;
исполняешь не волю господина, но свою собственную.

Лара щадилъ его и не возлагалъ шрудныхъ долж-
ностей: Пажъ держалъ спремья, носилъ за нимъ мечъ,
наспроивалъ арфу, или чиналъ въ слухъ господину
своему спаринныя и на чужеземномъ языкѣ написан-
ныя книги. Пажъ не входилъ въ общеспво съ дру-
гими служителями, не сблизался и не показывалъ
имъ презрѣнія; но составилъ себѣ правило поведе-
нія, въ коемъ видно было, что онъ не имѣлъ съ
ними ничего общаго. Какъ бы высокъ ни былъ родъ
его или санъ, онъ могъ, не унижая ихъ, сосшояшь
въ службѣ *Лары*, однако же не на ряду съ простыми
слугами. Видъ его и осанка показывали благородную
кровь; онъ когда-то зналъ счастье. Бѣлыя руки его
не носили знаковъ тяжелой работы. Ихъ нѣжность

и прелестное лице заславляли подозрѣвать, что онъ переодѣтая женщина. Между тѣмъ, спесивые и нѣсколько дикіе взоры не похожи были на женскіе; въ нихъ сверкалъ огонь, кошорый обнаруживалъ вліяніе знойнаго климаша на слабое и нѣжное шѣло прекраснаго Пажа; лице его измѣняло иногда, выражая сей спрасшный пламень, но слова — никогда.

Сей Пажъ назывался *Каледомъ*, хоша многіе увѣряли, будто онъ носилъ другое имя въ своемъ гористомъ опечесствѣ. И дѣйствительно случалось, что онъ иногда не откликался, когда его звали непривычнымъ для него именемъ; а иногда, какъ будто вспомнивъ, что онъ переименованъ, отвѣчалъ зовущему съ боязливою шоропливостью. На зовъ *Лары* бѣжалъ онъ безъ памяти: его уши, глаза, сердце — ловили съ жадностью сіи милые имъ звуки.

XXVIII.

Неожиданная ссора, нарушившая веселое пиршество, не ускользнула отъ вниманія молодаго Пажа. Госпи вокругъ него дивились увѣренности, съ кошорою незнакомецъ вызвался обличить *Лару*, и равнодушію сего послѣдняго къ столь чувствительной обидѣ. Слыша сіе, *Каледъ* нѣсколько разъ въ лицѣ перемѣнялся; его уста синѣли, а щеки по багровѣли, по блѣднѣли попеременно; чело его покрылось холоднымъ потомъ, кошорый выступаетъ тогда, когда сердце наше изнемогаетъ подъ тяжестью думы, кошорую напрасно желаемъ мы опшолкнуть отъ него. Такъ! ешь дѣла, перебующія

чшо мгновеннаго, опважнаго исполненія. Тупь не на-
дбно ждашь, чшобы размышленіе насъ о помъ увъ-
ивые домило. На какой бы мысли ни оспановился *Каледъ*;
ские; но, она заградила ему уста и измѣнила лице его.
валь Онъ вперилъ неподвижные глаза на *Эцеллина*; улыбка
тѣло презрѣнія, кошорою *Лара* мимоходомъ просидлся съ
вы- снмъ рыцаремъ, вывела *Каледа* изъ оцѣпененія. Сія
гда. улыбка сказала ему болѣе, нежели всѣ разговоры и
увъ- пересуды госпней — и даже видъ самаго *Лары*. Онъ
го- опромешью бросился за своимъ господиномъ — и
ось, оба они въ одну минушу исчезли. Госпи, оспав-
не- шіеся въ замкѣ, сначала думали, чшо *Лара* и Пажъ
дшо его удалились въ другую комнашу. Каждый съ та-
ову- кимъ вниманіемъ наблюдалъ чершы *Лары*, каждый
ары сшоль обшояшельно вникнулъ во всѣ малѣйшія об-
; — спшояшельства сей чудной сцены, чшо едва только
пѣнь его пересшупила за порогъ двери и ошъ бле-
пр- ска свѣшочей не рисовалась болѣе на сшѣнѣ, всѣ
Па- сердца запрепешали, подобно какъ человекъ, испу-
ши; ганнѣй во снѣ, хошя и помнишь, чшо эшо не
, и на-яву случилося, но все еще не скоро совсѣмъ
ель- очнешеся.

Лара и *Каледъ* исчезли... торжествующій *Эц-
линъ* спшоялъ въ глубокой думѣ; чрезъ часъ и онъ
по- ошкланялся и уѣхалъ.

XXIX.

Толпа рѣдѣла; наконецъ, радушнѣй хозяйнѣ и
ушомленные госпи разошлись по спальнямъ для

нихъ пригопвленнымъ. Тамъ — на постель веселіе
успихаешь, а горестъ вздохами зовешь къ себѣ сонъ,
сладкое забвеніе жизни, въ кошоромъ несчастли-
вещъ находишь ошраду опъ золь, имъ прешерпѣ-
ваемыхъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧУВСТВОВАНІЯ

Четырнадцать-лѣтняго Россіянина (*) при гробѣ Монарха
АЛЕКСАНДРА I-го.

Свѣшло Русское сокрылось!

Померкнулъ благотворный свѣтъ!

Лице Россіи помрачилось:

Въ ней свѣта — АЛЕКСАНДРА нѣтъ!

Сіялъ Онъ мудростью державы,

Душой былъ благъ, великъ и твердъ!

Жилъ для добра, а не для славы,

Ко всѣмъ являлся милосердъ.

(*) „Четырнадцать-лѣтній сынъ мой Николай, имѣвшій счастье показывать въ 1822-мъ году въ С. Петербургѣ талантъ свой въ иврѣ на Арфѣ въ присутствіи Императорской фамилии, нынѣ обратилъ способности свои и къ стихотворству; пишетъ къ Издателю Новостей литературы счастливый Родитель юнаго поэта, — „Изъ числа нѣкоторыхъ произведеній дѣтской его Музы, имѣю честь препроводить къ вамъ на благоусмотрѣніе одну пьесу, написанную имъ въ память въ Бозѣ почившаго и вѣчно-незабвеннаго Монарха нашего АЛЕКСАНДРА I-го.“

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

МАРТЪ, 1826.

П Р О З А.

Р ъ ч ъ.

По слугаю панихиды, совершенной въ 12-й день Декабря 1825 года, въ день рожденія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, — Священникомъ и Кавалеромъ Иоанномъ Гавриловымъ.

Россіяне! Почти полвѣка мы въ сей день проливали усердныя молишвы предъ Престоломъ Всевышняго о здравіи и благоденствіи нашего крошкатоу Ангела, Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА; — а нынѣ, какая перемѣна! . . . Молимся объ успокоеніи души Его! — Сей день, былъ днемъ радости, удовольствія, пріятныхъ ожиданій Россіянь; сей же самый день, есть день печали, съшованія, горестныхъ воспоминаній!

Какъ не воскликнуть намъ послѣ сего со гласомъ свяшой Церкви, кая житейская сладость, пребы-